

В следующую секунду он громко засмеялся, его голос был полон насмешки:

— Ха-ха-ха, как же ты глупа!

Смеясь, слёзы покатались по его щекам.

Но через мгновение насмешливый смех вместе с каплями слёз исчез, и на лице Пан Бо воцарилось спокойствие, будто ничего не произошло.

Наблюдая за выступлением Пан Бо, Цю Цзяи непроизвольно затаила дыхание. За минуту на его лице сменилось три разных выражения, а на листе бумаги она написала только две реплики.

Он медленно поднялся, пальцы его рук висели в воздухе, будто опирались на чьи-то плечи, и его тихий голос был полон обольщения:

— Ты спрашиваешь, почему я тебя обманул? Ты хотела искренней любви? Ты хотела держать весь гарем в своих руках? Разве я не помог тебе достичь этого? Как ты можешь говорить, что я тебя обманул? Просто император всё узнал.

Он сделал паузу, словно внезапно понял:

— Ты имеешь в виду, что я обманул тебя, сказав, что я не евнух?

Едва слова «евнух» слетели с его губ, его безразличное выражение сменилось, и он словно окутался пламенем гнева, его глаза пылали, глядя вперёд, а тонкий голос внезапно стал хриплым рыком:

— Я провёл во дворце пятнадцать лет, и ни одного момента я не переставал ненавидеть этот голос, ненавидеть то, что у меня никогда не было бороды, ненавидеть это неполноценное тело! Ты думаешь, я хотел этого? Всё это из-за тебя, ты разрушила мою жизнь!

Пан Бо почувствовал, что перед глазами всё стало кроваво-красным, он тоже ненавидел! Ненавидел себя за то, что он не такой, как другие мужчины, даже если та авария не повлияла на его физиологические функции, он был неполноценным.

Он тоже был неполноценным человеком! И тот, кто разрушил всё, был его самым близким человеком.

Цю Цзяи встретила взглядом с Пан Бо, и на неё обрушилось сильное давление. Она почувствовала, будто её поставили на огонь, пламя безжалостно жгло её, допрашивало её, и она начала нервничать.

Пан Бо шаг за шагом приближался:

— Если бы не необходимость войти во дворец, я бы скорее умер, чем стал таким! Но я обязательно заставлю тебя почувствовать, что значит потерять всё! Я заставлю тебя навсегда запомнить этот момент! Даже если я умру, я заберу тебя с собой!

Он тяжело дышал, его зубы дрожали от гнева. Но вскоре все эмоции исчезли с его лица, и Пан Бо снова стал тем застенчивым парнем.

— Вау!

Чэн Жун первым нарушил тишину, присвистнув.

Цю Цзяи очнулась от этого свиста и поняла, что из позы с руками на столе она откинулась на спинку стула, левая рука сжала лист бумаги в комок, а чёрная ручка в правой руке из-за сильного сжатия оставила чёрную вмятину на ладони, слегка болезненную.

Она поняла, что с ней произошло. В тот момент она испугалась, испугалась этого мужчины перед ней.

Пан Бо оживил этого персонажа, сделал его настоящим, живым, и это затронуло всех присутствующих.

Вэнь Чэньюй первым начал аплодировать, и под его влиянием остальные трое также присоединились к аплодисментам, а Пан Бо, уже без того безумного выражения, с застенчивой улыбкой сказал «спасибо».

Увидев, что на лице Пан Бо больше нет мелькнувшей тревоги, Вэнь Чэньюй наконец расслабился.

А Цю Цзяи почувствовала, как её кровь начала быстро течь по венам, её мысли стали невероятно ясными, и она наполнилась энергией. Это знакомое чувство снова вернулось!

Она с энтузиазмом заговорила:

— Теперь последний тест, Чэн Жун, выходи, ты будешь играть с ним. Последний звук я издам в нужный момент, вам не нужно об этом беспокоиться.

Сказав это, она передала заранее подготовленный сценарий всем в комнате.

Не сыграв с другими актёрами, особенно с хорошими, никогда не узнаешь, каково твоё актёрское мастерство на самом деле. Цю Цзяи устроила эту сцену, специально вызвав Чэн Жуна, чтобы сбить с Пан Бо спесь и заставить его осознать свои реальные способности.

Но только что увиденное выступление Пан Бо полностью неожиданно для неё, и теперь она с нетерпением ждала этой сцены: у Чэн Жуна был богатый актёрский опыт, и за последние годы его игра стала ещё глубже и мощнее. По логике, Пан Бо не должен был справиться с ним. Но теперь она думала, что Пан Бо, возможно, не проиграет.

Чэн Жун взял сценарий из рук Цю Цзяи, шагнул вперёд, ударил Пан Бо кулаком в знак приветствия и начал изучать текст.

Пан Бо посмотрел на сценарий. Это была сцена с небольшим количеством реплик, два главных героя — убийца и заложник. Но между убийцей и заложником были дружеские отношения.

Звук, о котором говорила Цю Цзяи, был описан в сценарии: на крыше внезапно раздался выстрел.

После обсуждения с Чэн Жуном они решили, что Пан Бо сыграет убийцу, а Чэн Жун — заложника. Отодвинув стулья, они быстро подготовились и начали.

Пан Бо постоянно оглядывался, его лицо выражало панику, правой рукой он держал Чэн Жуна за шею, а левой изображал пистолет, таща его назад.

Но действия Чэн Жуна были более выразительными. Он был выше Пан Бо, но теперь оказался в

его руках. В то время как Пан Бо тащил его, правая нога Чэн Жуна неестественно волочилась по полу, привлекая внимание остальных троих.

Цю Цзяи мысленно похвалила Чэн Жуна. Будучи ребёнком-актёром и играя различные роли, он действительно глубоко понимал сценическую выразительность.

Чэн Жун злобно смотрел на Пан Бо, но, будучи в его руках, каждый раз, когда он двигал правой ногой, его лицо искажалось от боли, и сдержанные стоны вырывались из его губ.

— Не сопротивляйся, — тяжело дыша, сказал Чэн Жун. — Они уже окружили это здание.

Пан Бо не ответил, его пальцы, изображавшие пистолет, ударили Чэн Жуна по голове, и он продолжал тащить его.

Они добрались до двери в комнате, и Пан Бо, казалось, нашёл опору, его напряжённое выражение немного ослабло. Он отпустил Чэн Жуна, направил на него пистолет и приказал сесть.

Пан Бо стоял лицом к Чэн Жуну, левым плечом прислонившись к двери, и медленно опустился на пол. Только тогда его освободившаяся правая рука дотянулась до правого бока, он слегка нахмурился, пристально глядя на человека перед собой, но его взгляд уже начал блуждать.

Наблюдая за их исполнением, Цю Цзяи почувствовала, будто оказалась на крыше высотного здания, холодный ночной ветер свистел вокруг, звуки сирен приближались, а упрямый убийца продолжал бороться до конца.

Движение Чэн Жуна с волочением правой ноги привлекло её внимание, но теперь, когда они оба лежали на полу, тяжело дыша от боли, она поняла, что Пан Бо незаметно подстроился под его ритм.

Его игра не была такой яркой, как у Чэн Жуна, но она была гармоничной: он не выглядел актёром, он был человеком в этой сцене, каждое его движение было естественным.

На полу у двери Чэн Жун наблюдал за выражением лица Пан Бо и заметил, что его сознание начало слегка затуманиваться, рука с пистолетом дрожала и медленно опускалась.

— Убей меня, умереть от твоей руки будет достойным завершением, — сказал Чэн Жун, держась за правую ногу, его лицо было бесстрастным.

Пан Бо не ответил, его взгляд немного прояснился, и опустившаяся левая рука снова поднялась.

Цю Цзяи поняла, что пора издать звук выстрела. Она ударила ручкой по столу, и внезапный звук даже отозвался эхом в пустом конференц-зале.

Пан Бо резко повернул голову, его взгляд, словно стрела, устремился в сторону Цю Цзяи. В этот момент Чэн Жун, словно марионетка, с неестественной грацией подскочил от двери, держась за непослушную правую ногу, и бросился к другому концу комнаты.

Пан Бо уже повернулся и увидел спину Чэн Жуна перед собой. Он поднял левую руку, прицелился в Чэн Жуна, но палец на спусковом крючке замер, так и не нажав.